

П. Г. Дулин

доктор философских наук

В. В. Ковалевич

кандидат философских наук

ДИСКУРС ПРАВОСЛАВНОГО АСКЕТИЗМА

Приоритетом гуманитарных наук являются текущие трансформации духа и общества. Украинский социум системно реформируется, переходя от тоталитаризма и воинствующего атеизма к демократии, цивилизованности и воцерковлению. С одной стороны, в сознании, душах, сердцах и умах мирян медленно возрождаются православные ценности, оппозирующие потребительства, накопительству, мещанству, гедонизму и бездуховности. С другой стороны, раскол в украинском православии – тормозит воцерковление. С третьей стороны, буксующие финансово-экономические реформы, вынуждают большинство населения туже затягивать пояса, балансируя между аскетизмом (нищетой и выживанием) ипотребительством, которое искушает. Каковы догматические основания аскетизма? Составляет ли он суть православия? Рефлексия этих вопросов актуальна в дискурсе воцерковления.

Ключевые слова: христианство, аскетизм, православие, воцерковление.

Развивая идею П. А. Флоренского о том, что культура – это боковые побеги культа, мы полагаем, что религия – главное в жизни. Она стремится восстановить изначально единство Богоподобного человека с Богом, нарушенное и утраченное в результате грехопадения. Идея Бога – наиглубочайшая идея человечества. Без Бога невозможно создать ничего красивого. Без Бога можно создать одно только безобразие. Поверхностное знание – удаляет от Бога, глубокое же знание – приближает к Нему. Поэтому не случайно, а закономерно, что подавляющее большинство ученых и художников всех времён и народов – были и есть, как правило, глубоко верующими, религиозно-обязанными, воцерковленными личностями. Церковь была и остаётся хранителем, носителем и выразителем самой высокой духовности. 100 лет назад большевики ударили в самое сердце – по духовности народа, т. е. по религии и Церкви. Сегодня этот народ, живущий преимущественно без Бога в сердце, имеет разгул – злодейства духа, лицемерия, лукавства, криминала, войну и многое другое, о чём гово-

рить больно и тяжело. Но, как писал святитель Григорий Богослов: "Лучше брань, чем мир, удаляющий от Бога". А удаление это давно стало поистине критическим и чрезвычайно опасным.

Аскетизм в языческой Греции обозначал упражнения тела, ума и воли. Его религиозный смысл прослеживался уже у пифагорейцев, но особенно в поздней античности – у Филона Александрийского [1, с. 9–10].

В Ветхом Завете слова, похожие на "аскетизм", встречаются в Маккавейских книгах. В Новом Завете этот термин употреблён лишь в Деяниях Святых Апостолов (Деян 24.16) в широком смысле. В христианстве понятие "аскетизм" истолковано более глубоко и обстоятельно.

Христианский аскетизм, или подвижничество, есть ревность и сила пребывать в деятельном общении с Богом, при помощи благодати Божией, для обретения истинно христианской настроенности как залога к участию в Царствии Небесном. Святые отцы Церкви под аскетизмом понимали различные способы приобретения праведности, благочестия. В аскетических памятниках термин "аскетизм" обозначал также подвиги монахов и отшельников – посты, безбрачие, молитвы, нищенства, девства, отшельничества, юродства, обетов и др. По учению святых отцов, аскетизм сам по себе, взятый в совокупности его проявлений, ещё не составляет совершенства, но посредством него и достигается спасение.

Христианство с истоков своего исторического бытия, в учении Господа и Его апостолов, сразу же и недвусмысленно провозгласило себя религией аскетической. Аскетический идеал – духовно-нравственное совершенство, непосредственное единство с Богом, т. е. состояние святости. Аскетизм – неперемное и необходимое условие подлинной христианской жизни, поскольку каждый христианин призван быть подвижником, "аскетом" [4, с. 593–608].

Оппоненты аскетизма, как правило, доказывают, что он индивидуалистичен и эгоистичен и противоречит заповеди любить ближнего, исключает какую-либо общественную деятельность – отсюда аскетизм неразумен и противоречит чувству самосохранения. Христианский аскетизм об-

виняют в том, что он не самобытен, а представляет собой копию аскетизма буддийского, целью которого является не спасение, а "избавление" от страдания, не бессмертие, а упразднение жизни. Это не жертва ради Бога или жизни – это форсирование конца бытия.

Христианский аскетизм глубоко и всесторонне обоснован. Его догматические основания делятся на – антропологические, сотериологические и телеологические. Рассмотрим их последовательно.

Первые основы сводятся к вдохновляющему осознанию подвижником, -двойственности человеческой природы. Так, преподобный Антоний доказывал, что началом, выражающим раздвоенность природы в сознании и жизни человека, служит чувство стыда, а преподобный Макарий считал таковым чувство смятение души. Последняя, или дух, есть часть человека, но не человек в своей цельности, совершенный человек есть соединение и союз души, получающей Духа Отца, с плотью, которая создана по образу Божию; не только душа христианина "причастна Божеского естества", но и тело и душа "соделались домом Божиим". "Разве не знаете, что вы – храм Божий", – говорит апостол Павел (1 Кор 3.16). И Он же: "Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа" (1 Фес 5.23). Христос стал цельным человеком, с душой и телом, почему и спасение сообщается цельному человеку, а не отдельной его части, ибо, если бы плоть не имела спастись, то и Слово Божие не стало бы плотью. Приобщение тела христианина "вечной жизни" является не реальным фактом, но ожидаемой целью. И если полнота вечной жизни может быть достигнута христианином повоскресении, то в виде "залога" она может, должна, быть осуществлена каждым ещё в земной жизни [2, с. 58–63].

Сотериологическая основа сводится к тому, что совершить искупление, спасти людей мог только Бог, ибо только Он мог воссоздать падшую природу человека, освободив её от греха, и сообщить ей действительную возможность богообщения. Жертва Иисуса Христа была принесена за всех людей, они получили возможность спасения – в силу бесконечной любви Бога к своему созданию, спасение было таким образом "объективно совершено". Но человек может спастись только в том случае, если он действительно усвоит плоды спасительной Жертвы Христа: спасение должно совершаться в человеке лично, внутренне, в нём самом. Усвоение каждым человеком спасения, совершённого Христом, происходит через нераздельное взаимодействие благодати Божией и человеческих сил (воля человека является существенным условием: где нет воли, там Сам Бог ничего не делает). Как благодать Божия не может посетить души, бегущие от спасения, так и сила человеческой добродетели

сама по себе недостаточна, чтобы души нечастные благодати возвести к (совершенному) виду жизни. По любви к своему созданию Бог предоставил человеку свободу воли, чтобы любовью собственного нашего сердца приблизиться мы к Нему. Стремление христианина воплотить в своей личности содержание жизни Христа путём "последования" за Ним, "подражания" Ему основывается на преобладающей в христианине любви ко Христу. "Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною" (Лк 9.23). Мысль о "последовании" Христу прямо указывает на аскетический момент нравственного уподобления Ему, при этом подчёркивается необходимость активности, борьбы, подвига.

Телеологическая основа. Человек Богоподобен, поэтому его нормальная жизнь возможна только в общении с Богом. Достигнуть своего истинного назначения, в том числе, вечного блаженства человек может в действительно сознаваемом и переживаемом единении и общении с Богом. Всущности и природе человека синкретично стремление к добру и совершенству. С самым естеством его сопряжена бесстрастная и блаженная любовь к тому умопостижаемому и блаженному Образу, которого человек есть подобие. Преподобный Макарий писал, что нет другой такой близости, какая у души с Богом и у Бога с душой. Человек стремится уподобить свою несовершенную природу идеалу и ближе соединиться с ним. Результатом религиозно-нравственного единения человека с Богом становится такое преобразование человеческой природы, которое святые отцы Церкви называли обожением, выражая таким образом учение Нового Завета, заключенное в словах Иисуса Христа: "И славу, которую Ты дал мне, Я дал им: да будут едино, как Мы; да будут совершены воедино..." (Ин 17.22–23). Преподобный Максим Исповедник для характеристики состояния обожения приводит слова апостола Павла: "...уже не я живу, но живёт во мне Христос" (Гал 2.20). Для реального осуществления обожения должен быть исполнен "вечный завет" человека с Богом. Возможность же нарушения этого завета коренится в свойствах тварной несовершенной свободы человека. Реальное участие человека в истинной вечной Божественной жизни, следовательно, может быть достигнуто, если он свободно и сознательно непрестанно полагает себя в Боге и если он отказывается полагать цель и смысл своей жизни в чём-то другом. Человек в своей жизни может только подражать "благим действиям" Божиим, насколько это возможно. Добродетельная жизнь ведёт к единению с Богом, потому что концом её является уподобление Божеству.

Представляя жизнь Христа Спасителя, во-первых, как борьбу, делание, или уврачевание, и, во-вторых, как победу, духовный покой, или

совершенное исцеление природы человеческой, аскеты подражали Христу. Делание, которое осуществляет христианин-аскет, представляет собой путь постоянного – владычества человека над собой, самоотвержения и терпеливого самопринуждения.

Святитель Феофан Затворник обосновывал, что святые отцы различают два делания: первое – вещественное, или жизнь деятельную (бодрость телесная, пост в еде, мера сна и бдения и пр.); второе – внутреннее, или жизнь созерцательную, или духовное и умное делание [9, с. 228–231]. Делание для христианина-аскета есть совокупность подвигов: воздержание, нестяжательность, девство, отстранение от обычаев мира; памятование о Боге как любви, красоте, творце, о человеке как творении Божиим, о скоротечности земной жизни, о кознях диавола; подчинение старцу как охранителю и поверителю духовной жизни аскета, осознание того, что без духовного руководства и отсечения своей воли не избежать самообольщения.

Святые отцы, руководствуясь примером земной жизни Христа Спасителя, определяют и ближайшие средства, при помощи которых совершается процесс восстановления человека. Имея ввиду прежде всего освобождение природы человеческой от присущих ей немощей, святые отцы говорят, что зло должно быть изгнано из нашего естества путём противоположным тому, каким оно вошло в мир; зло вошло в мир через преслушание, неисполнение первым человеком – Адамом воли Божией, поэтому изгоняться оно должно послушанием Второго Человека, Второго Адама, т. е. Иисуса Христа (Рим 5.12–19), Который действительно в течение всей своей земной жизни пребывал в полном послушании воле Божией. Святитель Григорий Нисский писал, что здравием для души служит исполнение Божественной воли, равно как и наоборот, отпадение от благой воли есть болезнь души, оканчивающаяся смертью.

Духовное созерцание – состояние духовной свободы подвижника с полным бесстрашием, боговидением, действительной любовью к Богу и ближним. Духовное созерцание – цель делания. Само по себе последнее как свидетельство стремления человека к спасению не приводит к духовной свободе: она наступает лишь в том случае, если истинное делание освящено благодатью Божией.

С молитвы начинается путь подвижника, проходит в молитве и достигает безмолвной молитвы. Святитель Исаак Сириин писал, что молитвенное услаждение и молитвенное созерцание – разные вещи. Иногда от молитвы рождается некое созерцание, и прерывает оно молитву уст, и молящийся в созерцании становится телом бездыханным, придя в восторг. Такое состояние Сириин называл молитвенным созерцанием. Но и в таком мысленном созерцании есть мера, это ещё молитва, ибо мысль ещё не переступила

туда, где нет уже молитвы, в такое состояние, которое выше молитвы. Наступает некое созерцание в молитве, и тогда не молитвою молится ум. Кто научился истинно молиться, – общается с Господом лицом к лицу! Святые отцы и подвижники используют различные понятия и образы для определения внутреннего состояния подвижника, достигшего совершенства и духовной свободы. Одни характеризуют состояние духа подвижнического как состояние "покоя", "света" (святители Григорий Богослов и Григорий Нисский, преподобный Симеон Новый Богослов); другие – как "изумления" (Исаак Сириин) или "успокоения всех бывших умозрений".

Ориген и Евагрий Понтийский выделяли в христианской жизни 3 этапа: деятельная жизнь, борьба за бесстрашие и гносис, или созерцание природ чувственных и умопостигаемых; и Божественный гносис, у Оригена – это созерцание Божественной природы, у Евагрия – созерцание Святой Троицы, этот высший этап Евагрий называл молитвой [5, с. 207].

Зародился аскетизм в раю. Райский аскетизм был лишь утверждением человека в святости путём исполнения им воли Божией. Человек в раю не имел страстей, поэтому не могло быть и их отрицания. Первый человек был бесстрастен, чист, блажен и бессмертен. Заповедь Бога человеку – "от древа познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь" (Быт 2.17) – представляла закон поста и воздержания.

Райская жизнь человека имела особенный, ей одной свойственный, вид подвижничества: в раю было место для послушания, воздержания, стремления к идеалу жизни, каким является Сам Бог, утверждения воли человека в добре, но там не было борьбы с гордостью, завистью, тщеславием и другими страстями, т. к. этих пороков в человеке ещё не существовало. Райское подвижничество было идеальным [3, с. 10]. Между тем борьба духа со страстями, вместе с воздержанием, стремлением к идеалу жизни, в настоящем состоянии человека даёт большой материал для характеристики "жизни во Господе", даже выражает эту мысль.

Грехопадением человек обременился страстями. В Адаме согрешило всё человечество – в силу неразрывного единства Адама и человечества, – что привело к появлению страстей: чревоугодие и самоугодие, иначе называемые ещё сластолюбием и самолюбием, любостыжательность, гневливость, невоздержание, и множество других страстей. Святитель Василий Великий полагал самыми большими страстями – чревоугодие и самолюбие. Святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, согласно древней традиции, выделяли 8 основных страстей.

Господствующим в христианском подвижничестве настроением духа является чувство покаяния, слагающееся из скорби, раскаяния и пла-

ча. Покаяние выражает горькое сожаление и раскаяние о потерянной участи, граничащей с положением ангелов. Оно как лекарство врачует душу и делает её более мягкой и достойной милосердия Божия. Чувство покаянной скорби свойственно всем аскетам. Блаженный Иероним называл жизнь инока "жизнью плачущего" [6; 7].

Христианский аскетизм вырос из дохристианского. Задатки аскетизма у древних евреев выразились в следующих формах и состояниях: назорейство, служение при скинии, состояние "сынов" или "ликів пророческих", нищета, отшельничество. Древняя из этих форм подвижничества – назорейство. Последнее представляло собой необязательный обет, суть которого состояла в том, что мужчина или женщина, дававшие этот обет, удалялись от общества и мира, чтобы всецело посвятить себя служению Богу. Они воздерживались от вина и крепкого напитка, от всего, что приготовлено из винограда, и от ягод винограда (Числ 6.1–4), не стричь волос, не прикасаться к мёртвому телу. Обет назорейства давался на неопределённое время, пожизненное назорейство не предписывалось установлениями, его принимали по доброй воле лишь немногие. По окончании обета приносилась дорогая жертва – беспорочный агнец (во всесожжение), агница в жертву за грех и овен беспорочный в жертву мирную. Назорейство было известно и до законодательства, которое только освятило его (Числ 6.13–21).

Другим видом дохристианского аскетизма было служение при скинии, служение не обычное, священническое, а особенное, по обету, даваемому чаще всего родителями лица, проходящего этот подвиг. Типическим представителем этого служения в истории еврейского народа является пророк Самуил в период всей своей жизни, но особенно в детстве и отрочестве (1 Цар 1.10–2.11, 18–19). Задатки подвижничества среди евреев усматриваются в так называемых пророческих школах, или союзах, инициатором устройства которых был пророк Самуил. Несмотря на то, что главной целью этих школ было служить источником учительства для просвещения народа, т. е. цель общественная, но при этом существовала и другая цель – индивидуальное совершенствование членов школы, при осуществлении которой и имели место элементы подвижничества. "Лики пророческие", или "силы пророческие", жили общинами, руководимыми "отцами", пользовались общественным содержанием, носили особую мантию с кожаным поясом, ходили толпами и были многочисленны, по крайней мере в позднейшее время (после Самуила): в Священном Писании упоминаются случаи, когда пророки собирались по сто и более человек (3 Цар 18.4; 22.6).

Следующая форма подвижничества у евреев – это нищета, хотя и проявившаяся более внешним образом – в виде нестяжательности. Типическими носителями и выразителями этого подвига являют-

ся Иоанадав и его потомки, упоминаемые в Книге пророка Иеремии (35.6–10); как пример нищеты имя Ионадава часто встречается в аскетических творениях святых отцов и учителей Церкви.

Формой подвижничества было отшельничество в пустыню. Представителями такого образа жизни являлись ветхозаветные пророки Илия и Иоанн Креститель.

В I в. до Р. Х. в еврейской среде возникают "секты" ессеев и терапевтов, у которых аскетизм приобретает своеобразные черты. Ессеи строго следовали Закону Моисея, жёстко соблюдали ритуальную чистоту. Обет безбрачия, по-видимому, не был для них пожизненным; бедность как идеал, воспринималась как состояние преходящее, за которым должно было последовать обладание всеми земными благами.

Будучи личной жизнью человека, аскетизм предполагает и служение общественному благу. Вступая на путь подвижничества, аскеты отдают своё имущество, всё заработанное ближним, проявляя нестяжательство. Но основная роль аскетизма в обществе – духовная: сочувствие, сострадание и нравственное руководство. Самое упокоение, молитва, согласно преподобному Макарию Египетскому, в избытке своём приводит к милосердию и другим служениям, как-то: к посещению братии и служению словом. Евагрий писал, что блажен иннок, который всякого человека почитает богом после Бога, и насодаяние спасения и преспеяние всех взирает, как на своё собственное. Монах тот, кто, от всех отделяясь, со всеми состоит в единении. К слову, ничто так не способствует пониманию чего-либо или кого-либо, как – пост, молчание, тишина, одиночество и молитва. Поэтому самые понимающие люди на земле – это монахи, которые от всех отделяясь, со всеми состоят в единении, ибо молятся за всех. Подвижники благотворно влияют на мир, не смешиваясь с ним, являя ему издали (из кельи, затвора, пустыни), плодотворный пример и поучение для преодоления зла добром, для приближения земного к небесному.

Громадно было влияние таких праведников как святители Савва Освященный и Максим Исповедник, преподобные Стефан Новый, Феодор Студит, Афанасий Афонский, святые Лазарь Галисийский, Евфимий Солунский, Симеон Новый Богослов. Проповедническая кафедра у одних, уединённая келья у других, иногда столп. Когда император Лев I сблизился с еретиками, мольбы народа заставили преподобного Даниила Столпника сойти со столпа для обличения царя, и тот просил у него прощения.

На Руси подвижники появились почти сразу после её Крещения: преподобные Антоний и Феодосий, Печерские угодники, Сергей и Герман Валдаемские, Авраамий Ростовский, Варлаам Хутынский, Никита Переяславский (Столпник), Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Савва Сторо-

жевский, Зосима, Савватий и Герман Соловецкие, Пафнутий Боровский, Нил Сорский, Александр Свирский, Иов Почаевский, мученик Корнилий Псково-Печерский, старец Серафим Соровский, святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Феофан (Говоров), затворник Вышенский [8].

"Подвижничество есть непрестанная победность" [10, с. 267]. Условием всех внутренних побед является первая победа над собой. Для этого необходим "дух ревности", проникая всё существо, он изгоняет грех и из души, и из тела, тем "спасает нас от нравственной порчи и растления" [10, с. 10]. Мученики, говорил святитель Феофан, охотно шли на смерть, потому что их сжигал внутренний огонь, дух деятельной ревности. "Такая ревность производится действием благодати, однако же и не без участия свободной нашей воли. ... Пробуждается желание и свободное искание (действием извне), потом нисходит благодать (через таинства) и, сочетавшись с свободою, рождает мощную ревность". Самому родить такую силу жизни невозможно: о "ней должно молиться и быть готовым принять её" [10, с. 14].

Христианский аскетизм достохвален, достопочтен и благодатен. Он дисциплинирует и балансирует жизнь, организуя естественные силы и способности Богоподобного человека для нестяжательства, скромности, кротости, смирения, милосердия, добротолубия, благочестия и жизни вечной. Аскетизм – самобытное таинство, он ассимилирует и исповедует природную естественность и простоту жизни, о которой сказано: "Где просто, там ангелов со сто, агде мудрёно, – там ни одного". Аскетами были – Сам Господь и Его ближайшие Ученики. Аскетизм сам по себе, взятый в совокупности его проявлений, ещё не составляет совершенства, но посредством него достигается спасение, которое возможно и в достатке, если он заработанчестно и добросовестно. Но не в аскетизме суть православия, а в любви к Богу и ближнему!

Тем не менее, особый подвиг аскетизма актуален в украинском обществе – консолидации здорового (не маргинального) компетентного большинства профессионалов. Такая консолидация оптимизирует три взаимосвязанных и взаимозависимых процесса: воцерковления, преодоление раскола в православии, и динамичных экономических реформ. Православный потенциал такой консолидации представляется одним из наиболее мощных и перспективных, но он пока существенно не востребован и недостаточно активирован ввиду того, что значительная часть общества невоцерковлена и нерелигиознообязана. Три христианских праздника в Украине являются государственными, а воцерковляется общество пока больше формально, чем по сути. Между тем, нормальная здоровая, не фанатичная

религиозность значительной части общества – гарант того, что в нём будет доминировать дух – добротолубия и благочестия, мира и согласия, толерантность, порядок, законность, организованность, стабильность, морально-психологический комфорт, гармония и соборность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества / А. И. Сидоров. – М., 1998.
2. Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению: Этико-богословское исследование / С. М. Зарин. – М., 1996.
3. Пономарёв П. Догматические основы христианского аскетизма: По творениям восточных писателей-аскетов IV века / П. Пономарёв. Казань, 1899.
4. Православная энциклопедия. Том 3 / Церковно-научный центр "Православная энциклопедия". М., 2001. – С. 593–608. – 750 с.
5. Лосский В. Н. Богословие и боговидение: Сб. ст. / В. Н. Лосский. – М., 2000.
6. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика / И. М. Мейендорф. – 2000. – С. 279–333.
7. Мейендорф И. Византийское богословие / И. Мейендорф. – М., 2001, С. 121–143.
8. Беседы великих русских старцев о Православной вере, спасении души и различных вопросах духовной жизни. УПЦ, Полтавская епархия, Спасо-Преображенский Мгарский монастырь. – 2007. – 1503 с.
9. Путь ко спасению. – М., 1899. – С. 228–231.
10. Аскетические опыты // Творения. М., 1996. – Т. 1.

Дулін П., Ковалевич В. Дискурс православного аскетизму. Пріоритетом гуманітарних наук є трансформація духу і суспільства, які відбуваються наразі. Український соціум системно реформується від тоталітаризму та войовничого атеїзму до демократії, цивілізованості та воцерковлення. З одного боку, у свідомості, душах, серцях і умах мирян поступово відроджуються православні цінності, які стоять в опозиції споживацтву, накопиченню, міщанству, гедонізму і бездуховності. З іншого боку, фінансово-економічні реформи змушують більшість населення затягувати пояси, балансує між аскетизмом (злидненістю і виживанням) і споживацтвом. Які догматичні засади аскетизму? Чи складають вони суть православ'я? Рефлексія цих питань актуальна в дискурсі воцерковлення.

Ключові слова: християнство, аскетизм, православ'я, воцерковлення.

Dulin P., Kavalevich V. The discourse of the Orthodox asceticism. What are the dogmatic foundation of asceticism? whether it is the essence of Orthodoxy? Reflection of the sequestions is relevant in the discourse of the Orthodox asceticism.

Keywords: Christianity, asceticism, Orthodoxy.